

(1)С глазами, полными слез, Иван глядел в снег под собою: подступал конец его сказки. (2)Правда, добрая половина Облога стояла ещё нетронутой, но в сознание мальчика бор перестал существовать одновременно с гибелью той могучей хвойной старухи, что осеняла Калинову кровлю. (3)Оставлять её было немислимо: в первую же пургу, при падении, она раздавила бы Калинову сторожку, как гнилой орех.

– (4)Теперь раздайся маленько, – тусклым голосом сказал Кнышев. – Дакось и мне погреться чуток!

(6)Неожиданно для всех он сбросил с себя поддёвку и остался в белой рубахе, опоясанной кавказским ремешком с серебряным набором. (7)Десяток рук протянули ему пилы; он выбрал топор у ближайшего, прикинул на вес, одобрительно, на пробу, тронул ногтем лезвие, прозвеневшее, как струна, и притоптал снежок, где мешал, – прислушался к верховому шелесту леса и неторопливо, как на эшафоте, с маковки до пяты оглядел свою жертву. (8)Она была неслыханно хороша сейчас, старая мать Облога, в своей древней красе, прямая, как луч, и без единого изъяна; снег, как розовый сон, покоился на её отяжелевших ветвях.

(9)Пока ещё не в полную силу, Кнышев размахнулся и с оттяжкой на себя, как бы дразня, ударил в самый низ, по смолистому затеку у комля, где, подобно жилам, корни взбегали на ствол, а мальчик Иван чуть не ахнул от удивления, что кровка не забрызгала ему рук.

– (10)Вот как её надоть, – наставительно промолвил Золотухин. – (11)Учитесь!

(12)И хотя Кнышев действовал без передышки, все понимали: он несколько подзатыгивает своё удовольствие, чего простые люди никогда не прощали и заправским палачам...

–(13)Пошла-а... – придушенно шепнул кто-то над головой Ивана.

(14)Еле заметное движение родилось в ветвях, что-то деловито хрустнуло внизу и мелкой дрожью отозвалось в вершине. (15)Нет ничего медленней и томительней на земле, чем падение дерева, под чьей сенью посещали тебя смутные грёзы детства!

(16)Не дождавшись конца, весь содрогаясь, Иван отправился побродить по оголённому пространству. (17) Он вернулся, когда миновал приступ отчаяния.

(18)Непонятно по прошествии стольких лет, откуда у тихого крестьянского отрока взялась такая ярость, но следует допустить одно для понимания всего дальнейшего: призвание смолоду ведёт человека по искусно подобранным зрелищам бытия, чтобы воспитать в нем сноровку и волю на осуществление его исторических целей. (19)Можно только гадать, каким чудом оказалась у Ивана рогатка, кто вложил ему камень в руку посреди зимы.

(20)Кнышев успел выпустить первое облачко дыма, когда в щёку ему угодил Иванов гостинец. (21)Произошло замешательство, скверная брань вспыхнула. (22) Подоспевший помощник Кнышева Титка псом бросился на обидчика, пустившегося к лесу по снежной целине. (23)Молодому было легче перескакивать завалы, зато на одном из них у Ивана соскочил валенок, и он с маху распорол себе ногу о сук, спрятанный под сугробом. (24)Уже не больше десятка шагов разделяло их, и ходить бы Ивану – будущему профессору Вихрову - век с надорванным ухом, если бы не подвернулась та спасительная, под отлогим углом наклонённая берёза. (25)Мальчик с ходу взбежал до развилины и сидел там, как в седле, обнажив зубы, страшный в своём недетском озлоблении, а Титка похаживал внизу, длинным языком лизал снег с ладошки, перстом грозился, пока во всем снаряжении не подоспел сам Кнышев.

– (26)Слазь, волчонок, – глухо сказал большой, еле переводя дух.

– (27)Гнилой барин! – повторил маленький, словно знал, что для Кнышева, гордившегося своим здоровьем и плебейским происхождением, нет клички обидней.

(28) Тут за дело взялся Титка:

– (29) Покарауль его, сейчас мы его жердинкой отседа сковырнём!

(30) Кнышев щурко смотрел на мальчонку, на его под рваным треушком сверкающие глаза, на босую, в крови, слегка посиневшую ступню. (31) Что-то изменилось в его намерениях: вряд ли пожалел человеческого зверька в лохмотьях, но подивился, наверное, что за целое десятилетие его злодейской деятельности лишь один этот, во всей России, крестьянский паренек с кулаками вступился за русские леса.

– (32) Ступай отсюда, дурак! – приказал Кнышев Титке. – (33) Нет, погоди... валенок ему сперва отыщешь...

(По Л. М. Леонову*)

*Леонид Максимович Леонов (1899-1994) – русский советский писатель, в центре внимания которого философская и нравственная проблематика.

(1) Есть на нашей реке такие глухие и укромные места, что, когда продерёшься через спутанные лесные заросли, заполненные к тому же крапивой, и присядешь около самой воды, почувствуешь себя как бы в отгороженном от остального земного пространства мире.

(2) У черёмух выросли до своей величины будущие ягоды. (3) Теперь они гладкие, жёсткие, всё равно как вырезаны из зелёной кости и отполированы. (4) Листья ракиты повернуты то своей ярко-зелёной, то обратной, матовой, серебряной стороной, отчего всё дерево, вся его крона, всё, так сказать, пятно в общей картине кажется светлым. (5) У кромки воды растут, наклонясь в сторону, травы. (6) Кажется даже, что дальше травы привстают на цыпочки, тянутся изо всех сил, чтобы обязательно, хотя бы из-за плеч, поглядеть в воду. (7) Тут и крапива, тут и высоченные зонтичные, названия которым здесь у нас никто не знает.

(8) Но больше всех украшает наш замкнутый земной мирок некое высокое растение с пышными белыми цветами. (9) То есть каждый цветок в отдельности очень мал и был бы вовсе незаметен, но собрались цветы на стебле в бесчисленном множестве и образуют пышную, белую, слегка желтоватую шапку растения. (10) А так как его стебли никогда не растут поодиночке, то пышные шапки сливаются, и вот уже как бы белое облако дремлет среди неподвижной лесной травы. (11) Ещё и потому невозможно не залюбоваться этим растением, что едва лишь пригреет солнце, как от белого цветочного облака поплывут во все стороны незримые клубы, незримые облака крепкого медвяного аромата.

(12) Глядя на белые пышные облака цветов, я часто думал о нелепости положения. (13) Я вырос на этой реке, чему-то меня учили в школе. (14) Цветы эти я вижу каждый раз, и не просто вижу, а выделяю из всех остальных цветов. (15) А вот спроси меня, как они называются, – не знаю, почему-то ни разу не слышал их названия и от других, тоже здесь выросших людей. (16) Одуванчик, ромашка, василёк, подорожник, колокольчик, ландыш – на это нас ещё хватает. (17) Эти растения мы ещё можем называть по имени. (18) Впрочем, зачем же сразу обобщать, – может быть, один лишь я и не знаю?

(19) Нет, кого бы я ни расспрашивал в селе, показывая белые цветы, все разводили руками:

– (20) Кто их знает! (21) Полно их растёт: и на реке, и в лесных оврагах. (22) А как называются?.. (23) Да тебе на что? (24) Цветы и цветы, их ведь не жать, не молотить. (25) Нюхать и без названия можно.

(26)Мы вообще-то, я бы сказал, немного равнодушны ко всему, что окружает нас на земле. (27)Нет, нет, конечно, мы часто говорим, что любим природу: эти перелески, и холмы, и роднички, и огневые, на полнеба, летние тёплые закаты. (28)Ну и собрать букет цветов, ну и, конечно, прислушаться к пению птиц, к их щебетанию в золотых лесных верхах в то время, когда сам лес ещё полон темно-зелёной, чёрной почти прохлады. (29)Ну и сходить по грибы, ну и поудить рыбу, да и просто полежать на траве, глядя вверх на плывущие облака.

«(30)Послушай, а как называется трава, на которой ты теперь так бездумно и так блаженно лежишь?» – «(31)То есть как это как? (32)Трава. (33)Ну там... какой-нибудь пырей или одуванчик».

– «(34)Какой же тут пырей? (35)Тут вовсе нет никакого пырея. (36)Всмотрись повнимательнее. (37)На месте, которое ты занял своим телом, растёт десятка два разнообразных трав, и ведь каждая из них чем-нибудь интересна: то ли образом жизни, то ли целебными для человека свойствами. (38)Впрочем, это уж вроде как бы непостижимая для нашего ума тонкость».

(По В. А. Солоухину*)

Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997) – русский советский писатель и поэт, видный представитель «деревенской прозы».